

информационного, культурного, языкового и иных пространств. Подлинную национальную идею нельзя смешивать с ее национал-шовинистической, великодержавной профанацией. Она утверждается и легитимирует себя не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия этих народов.

Поэтому не случайно в XIX в. получила большую популярность идея об «универсальном» характере русского народа, оказавшая заметное влияние на последующие дискуссии по данному вопросу. Впервые выдвинутая славянофилами первой волны, она получила дальнейшее развитие и конкретизацию у Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и др., которые говорили о всечеловечности и универсальности русской культуры. В своем знаменитом очерке о Пушкине Достоевский писал: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное...» [Достоевский 1995: 438-439]. С этих позиций и Н. А. Бердяев совершенно справедливо подчеркивал, что «всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения» [Бердяев 1990: 111].

Интерес представляют рассуждения бывшего народника, позднее раскаявшегося и ставшего редактором «Московских ведомостей» и автором фундаментального труда «Монархическая государственность», Л. А. Тихомирова. Он в частности писал: «человек нерусского племени нередко может быть скорее назван русским, чем иной потомок московских бояр или даже Рюриковичей (которые, впрочем, и сами, по летописи, были нерусскими)». И резюмировал: «нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в самом себе, и в своем слове о том, что русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных